

Семен Сергеевич Бобров

Стихотворения

Семен Бобров
Стихотворения

«Библиотечный фонд»

1809

Бобров С. С.

Стихотворения / С. С. Бобров — «Библиотечный фонд»,
1809

«...Туманы, бури, громы, волны — Тифоны суть, что в мир он шлет;
Мы также туч и громов полны; И сих Тифонов он мятет. Он в нас и в
видиму природу Пускает грозну непогоду. Издревле на лице небес
Зев адский ненавистью дышит; Он, вихрь пустив, весь мир колышет
И в нас творит стихий превес...»

Содержание

Царство всеобщей любви	5
Прогулка в сумерки, или Вечернее наставление Зораму	8
Ода к Бландузскому ключу	10
Первый час года	11
Судьба древнего мира, или Всемирный потоп	13
Хитрости Сатурна, или Смерть в разных личинах	17
Баллада	19
К новостолетию XIX	25
Столетняя песнь, или Торжество осьмогоднадесять века России	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Семен Сергеевич Бобров

Стихотворения

Царство всеобщей любви

Еще вокруг солнцев не вращались
В превыспренних странах мира,
Еще в хаосе сокрывались
Сии висящие шары,
Как ты, *любовь*, закон прияла
И их *начатки* оживляла.
Как дух разлившись в их ростках,
Могущество твоей державы
От древности свои уставы
Хранит доселе в сих мирах.

Из бездны вышедши ужасной,
Собор небесных сих светил
Был *смесью* вновь бы несогласной,
Когда бы ты лишилась сил;
Ты, зыбля стрелы воспаленны,
В пределы мещешь отдаленны.
Огонь столь много их кует,
Что ты творенье всё пронзаешь,
Когда всемошно пролетаешь
Великий свет и малый свет.

Миры горящи соблюдают
Закон твой в горней высоте;
Вертясь вокруг солнцев, побуждают
Чудиться стройной красоте.
Не ты ль их водишь хороводом?
Не ты ль их правишь мирным ходом?
Коль в седьмитростную свирель
Спокойный тамо *Пан* играет,
То не тебя ль изображает,
С согласьем выражая трель?

Не ты ль в природе сопрягаешь
И мужеский и женский пол?
Не ты ли, тайный, созидаешь
В вещах двуродных свой престол?
Где выются виноградны лозы,
Где две друг к дружке жмутся розы,
Где птички выют гнездо весной,
Где отрок мать обнимает, —

Не твой ли пламень обитает
В красе их связи таковой?

Любовь! – ты царствуешь повсюду
И строишь дивны красоты;
Ты дышишь в бытиях – внутрь-уду;
Ты *симпатической* четы
Внезапно руки соплетаешь;
Ты в их усмешках обитаешь;
Ты блещешь в взорах чад своих;
Ты в них глубоко воздыхаешь;
Ты в нежных звуках вылетаешь
Из дышащих свирелей их.

Коль сладко зреть тебя душою
Сияющих душ в тишине!
Совокупленные тобою,
Едину точку зрят оне;
Их каждый в жизни шаг измерен,
Как звездный путь, – тих, строен, верен.
Единогласный их собор
Невинность падшу восставляет;
О ней их сердце воздыхает,
О ней слезится нежный взор.

Но *древний змий*, покрытый мраком,
Когда из бездны той ползет,
Где он, лежа с угрюмым зраком,
В груди клуб зол ужасных вьет,
И в чреве Тартар возгнещает,
Да в жупелах его рыгает, –
Тогда идет он с злобой в мир;
Он рвет друзей, супругов узы;
Он рушит всех вещей союзы,
Он свет отъемлет, тьмит эфир.

Туманы, бури, громы, волны –
Тифоны суть, что в мир он шлет;
Мы также туч и громов полны;
И сих Тифонов он мятет.
Он в нас и в видиму природу
Пускает грозну непогоду.
Издrevле на лице небес
Зев адский ненавистью дышит;
Он, вихрь пустив, весь мир колышет
И в нас творит стихий превес.

Кто ж? – кто опять тогда устроит
Мятущесь в бурях *естество*?

Кто вновь *мир малый* успокоит?
Конечно – мирно божество.
Любовь! – везде ты управляешь;
Когда усмешку изъявляешь,
Ты мрачны тучи отженешь,
Ты воспаришь над облаками
Иль в поле купно с пастухами
Воспляшешь, в хоровод пойдешь.

Но что в тебе велико, дивно?
Таинственная цепь твоя
Влечется в силе непрерывно,
Как к морю некая струя,
От мошек – малых тел пернатых –
До горних сил – шестокрылатых –
Поникну ль в дол, – там зрю твой мир;
Воззрю ли на среду вселенной, –
Мир малый? – в нем твой огонь священный;
Взойду ль на твердь, – там твой эфир,

О дочь, – от влаги первобытной
Рожденна прежде всех планет,
Дающая жизнь природе скрытной,
Когда в пути своем течет,
И строяща в груди возжженной
Рубиновый престол бесценный!
Когда ты в полной чистоте,
Тогда, любовь, вовек пребуди
Живым бальзамом нежной груди!
Твой трон меж ангел и – в чете.

<1785>

Прогулка в сумерки, или Вечернее наставление Зораму

Уже в проснувшемся другом земном полшаре
Светило пламенно ночных тьму гонит туч,
А мы из-за лесов едва в сгущенном паре
Зрим умирающий его вечерний луч.

Какая густота подымлется седая
К горящим небесам с простывших сих полей!
Смотри! почти везде простерлась мгла густая,
И атмосфера вся очреватела ей!

С востока ночь бежит к нам с красными очами;
Воззри сквозь тень на блеск красот ее, Зорам!
Хоть кроет нас она тенистыми крылами,
Но яркие огни, как искры, блещут там.

Не искры то – миры вращаются спокойно,
Которы столько же велики, как Земля.
Когда из недр они хаоса вышли стройно,
С тех пор еще текут чрез пламенные поля.

Но нам судьбы гласят, что некогда потонет
Дрожащая Земля в пылающих волнах
И бренна тварь, огнем жегомая, восстонет
Да из коры своей изыдет, сверзая прах.

Увы! – тогда луна, которой луч заемный
По тусклом своде в ночь безоблачну скользит,
Зря судорожну смерть и вздох соседки чермной,
Сама начнет багреть и дым густой явит.

Ах! скроет, скроет тьма прекрасное светило
В те самые часы, когда б с небес оно
Еще в мир страждущий сиянье испустило!
Ужель и всем мирам погибнуть суждено?

Постой, Зорам! – ты ль мнишь, что мир так исчезает?
Не мни! – то действует *все вечная любовь*,
Что грубый с мира тлен сим образом спадает;
Подобно *фениксу* наш мир возникнет вновь.

Но знай, что есть един незримый круг верховный,
Который выше всех явлений сих ночных,
В который существа должны лететь духовны

Сквозь облачны пары на крылиях живых!

<1785>

Ода к Бландузскому ключу Из *Горац<ия> с лат<инского>*

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом,
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Заутра пестрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Заутра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать.

Красуясь первыми рогами
И в силе жар имея свой,
Вотще спешит он за козами
И с спорником вступает в бой;
Он должен кровь свою червлену
С тобой заутра растворить,
И должен влагу он студену
Червеной влагой обагрить.

Хоть Песней звезды горящей
Суровый час и нестерпим,
Но ты от силы сей палящей
Под хладной тенью невредим;
Волы под игом утруженны,
Стада бродящи на полях
Тобой бывают прохлажденны,
В твоих находят жизнь струях.

Ты будешь славен, ключ счастливый,
Достоин вечныя хвалы,
Как воспою тенисты ивы,
Обросши тощу грудь скалы,
Отколь твои струи прозрачны,
Склонясь серебряной дугой,
С отвагой скачут в доли злачны
И говорят между собой.

<1787>

Первый час года *К другу И<косову>*

Час бил; отверзся гроб пространный,
Где спящих ряд веков лежит;
Туда протекший год воззванный
На дряхлых крыльях летит;
Его туманы провождают
И путь слезами омывают;
Коса во длани не блестит,
Но, смертных кровью пресыщенна
И от костей их притупленна,
Меж кипарисами висит.

Сын вечности неизъясненной,
Исторгнувшись из бездны вдруг,
Крылами юности снабденный,
Слетает в тусклый смертных круг;
Фемиды дочери воскресают
И пред лицом его играют;
Весна усопшие красы
Рассыпать перед ним стремится
И вместо вихрей вывести тщится
Спокойны в *январе* часы.

Она с улыбкою выходит
Из храмины своей пустой,
Дрожащих зёфиров выводит
На хладный воздух за собой;
Но, взор одеждой закрывая
И паки в храмину вступая,
Стенет, что скинуть не могла
Толь рано с древ одежд пушистых
И погрузить в слезах серебристых
Зимы железного чела.

Грядет сын вечности священной
Исполн влияния планет,
И жребий мира сокровенный
Во мрачной урне он несет;
Пред ним ирой с щитом робеет,
И червь у ног его немеет;
Кривому острию косы
Душа правдива лишь смеется,
Не ропщет, что перестрижется
Нить жизни в скорые часы.

Иной рыдает иль трепещет,
Что изощренно лезвее
Уже над головою блещет,
Готово поразить ее;
Другой, стоя вдали, вздыхает
И робки взоры простирает
На нового небес посла,
Железную стрелу держаща,
О роковой свой брус точаща,
Дабы пронзить его могла.

Колики смертны почитают
Сей новый год себе бичем
И сколь не многи обретают
Вождя к спокойной смерти в нем!
Но если я твой одр суровый
Слезой омою в год сей новый
И ты – в свой темный гроб сойдешь,
Возможно ль, ах! – при смерти люты
Иметь тебе тогда минуты?
Любезный друг! – ты лишь уснешь.

Когда же *парки* уважают
Тобой боготворимых муз
И ножниц острие смягчают,
Да не прервется наш союз, –
Тогда скажу я, восхищенный:
«О *Феб*, *Латоною* рожденный!
Еще дай новых нам годов,
Да мы продлим дни в дружбе нежной,
Доколе век наш безмятежней
Не осребрит на нас власов!»

<1789>

Судьба древнего мира, или Всемирный потоп

Я зрю мечту, – трепещет лира;
Я зрю из гроба естества
Иshedшу тень усopшa мира,
Низверженну от божества.

Она, во вpетипце облекшись,
Глaву свою обвивши мхом
И лaктем на сосуд облегшись
Сидит на тростнике сухом.

О древних царствах вспоминая,
Пускает стон и слезный ток
И предвещает, воздыхая,
Грядущу роду грозный рок.

Она рекла: «Куда сокрылся
Гигантов богомерзкий сонм,
Который дерзостно стремился
Вступить сквозь тучи в божий дом?

Куда их горы те пропали,
Которы ставя на горах,
Они град божий осаждали?
Они распались, стали прах.

Почто из молнии зловредной,
Как вихрь бурлив, удар летит
В средину колыбели бедной,
Где лишь рожденный мир лежит?

Ужели звезды потрясаяй
Льет млеко одной рукой,
Другою, тучи подавляя,
Перуном плод пронзает свой?

Увы! – о племена строптивы!
Забыв, кто мечет в бурях град
И с грозным громом дождь шумливый,
Блуждали в мыслях вы стократ!

Блуждали, – и в сию минуту
Отверз он в гневе небеса
И, возбудив стихию люту,
Скрыл в бездне горы, дол, леса.

Тогда *вторая смесь* сразилась,
Второй хаос вещей воззван;
Вселенна в море погрузилась;
Везде был токмо *Океан*.

Супруг *Фетиды* среброногой,
Нахмутив свой лазорный взор,
Подъял вод царство дланью строгой
Превыше *Араратских* гор.

Тогда тьмы рыб в древах висели,
Где черный вран кричал в гнезде,
И страшно буры львы ревели,
Носясь в неизвестной воде.

Супруги бледны безнадежно
Объемлются на ложе вод;
С волнами борются – но тщетно...
А тамо – на холме – их плод...

Вотще млечной он влаги просит;
Свирепая волна бежит –
Врывается в гортань – уносит –
Иль о хребет, – рванув, дробит.

Четырнадцать дней скрывались
Целенины лучи в дождях;
Двукратно сребряны смыкались
Ее рога во облаках.

Одна *невинность* удержала
В свое спасенье сильну длань,
Что бурны сонмы вод вливала
В горящу злостию гортань.

Хотя десницею багряной
Отец богов перун метал
И, блеск и треск по тверди рдяной
Простерши, небо распалял;

Хоть мира ось была нагбенна,
Хоть из туч слетала смерть, –
Невинность будет ли смятенна,
Когда с землей мятется твердь?

Ковчег ее, в зыбях носяся,
Единый мир от волн спасал;
А над другим, в волнах смеясь,
Пенисту бездну рассекал.

Не грозен молний луч отвесных,
Ни вал, ни стромких скал краи, —
Сам вечный кормчий сфер небесных
Был кормчим зыблемой лады.

Меж тем как твари потреблялись,
Явился в чистоте эфир,
Лучи сквозь дождь в дугу соткались,
Ирида вышла, — с нею *мир*.

О *Пирра*! пой хвалу сидящу
На скате мирной сей дуги!
Лобзай всесильну длань, держащу
Упругие бразды стихий!

Но о *Ириды* дочь блаженна!
Страшуся о твоих сынах!
Их плоть умрет, огнем сожженна.
Как прежде плоть моя в волнах.

Когда смятется в горнем мире
Пламенно-струйный Океан,
Смятутся сферы во эфире,
Со всех огнем пылая стран.

Пирой, *Флегон*, маша крылами
И мчась меж страждущих планет,
Дохнут в них пылкими устами,
Зажгут всю твердь, — зажгут весь свет.

Там горы, яко воск, растают
От хищного лица огня,
Там мрачны бездны возрыдают,
Там жупел будет ржать стена.

Не будет *Цинфий* неизменный
Хвалиться юностью своей,
Ни *Пан* цевницей седьмичленной,
Ни *Флора* блеском вешних дней.

Крылатые *Фемиды* дочери
Взлетят к отцу в урочный час,
Небесные отверзнут двери, —
Отверзнут их в последний раз.

Лишь глас трубы громо-рожденной
С полнощи грянет в дальний юг:
Язык умолкнет изумленный,

Умолкнет слава мира вдруг.

Героев лавр, царей корона
И их певцов пальмовый цвет,
Черты *Омира* и *Марона* –
Всё их бессмертное умрет.

Как влас в печи треща вспыхает,
Как серный прах в огне сверкнет
И, в дыме вспыхнув, – исчезает,
Так вечность их блеснет – и нет...

Едино *Слово* непреложно
Прострет торжественный свой взор
И возвестит из туч неложно
Последний миру приговор.

Меж тем как в пламени истлеет
Земнорожденный человек,
Неборорожденный окрыляет,
Паля на тонких крыльях век.

Падут миры с осей великих,
Шары с своих стряхнутся мест;
Но он между развалин диких
Попрет дымящийся пепел звезд.

О мир, в потомстве обновленный!
Внемли отеческую тень,
Сказующу свой рок свершенный
И твой грядущий слезный день!»

Изрекши, – скрылася тень мира;
За нею вздохи вслед шумят;
Из рук падет дрожаща лира, –
Я в ужасе глашу: «*Бог свят!*»

<1789>

Хитрости Сатурна, или Смерть в разных личинах

Сурова мать тьмы, царица ночи темной,
Седяща искони во храмине подземной
На троне, из сухих составленном костей,
Свод звучный топчуща обители теней
И вместо скипетра железом искривленным
Секуща вокруг себя туман паров гнилой,
Которым твой престол весь зрится окруженным
И сквозь который зрак синеет бледный твой!

Се! – от твоей стопы река снотворна льется
И устьем четверным в мятежный мир влечется.
Да в четырех странах вселенная пройдет!
Навислые берега, где кипарис растет,
Бросают черну тень в нее с хребтов нагбенных,
Не зефиры в нее, но из расселин темных,
Где начинался ад, подземный дует дух
И воет в глубине, смущая смертных слух.

О мрачна смерть! – ты здесь, конечно, пребываешь;
Ты здесь ни солнечных красот не созерцаешь;
Ни шлет сюда луна серебряный свой свет,
Когда торжественно исходит меж планет;
Скажи – всегда ль ты к нам летишь средь тучи темной,
Как, быстро вырвавшись из храмины подземной,
Распростираешь в твердь селитряны крыле
И, косу прековав в перун еще в земле,
Удары гибельны с ужасным ревом мещешь
И светом роковым над дольным миром блещешь?
Всегда ли ты ревешь в чугунную гортань
И там, где возгорит на ратном поле брань,
Рыгаешь в голубом дыму свинец свистящий
И рыцарско дробишь чело сквозь шлем блестящий?
Всегда ли ты спешишь кинжал очам явить,
На коем черна кровь кипящая курится?
Нет, не всегда в твоей руке металл тот зрится,
Которым ты стрижешь столь явно смертных нить.

Богиня! – пагубен твой смертным вид кровавый,
Но пагубней еще им образ твой лукавый,
Когда, переменив на нежны ласки гнев
И тонко полотно *батавское* надев,
Лежишь в пуховике, опрысканном духами,
И манишь щеголя волшебными руками;
Или *сиреною* исшедши из зыбей
Для уловления со златом кораблей,

Ты выпускаешь глас, что в звуке сколь прекрасен,
Столь внемлющим его смертелен и опасен;
Иль, умащенные когда власы имев,
Одежду, сшитую на нову стать, надев,
Взяв в руку трость и пук цветов приткнувши к груди,
Спешишь, где с *нимфами* распутны пляшут люди,
Где в купле красота, где уст и взоров студ,
Где *Вакха* рдяного *эроты* в хор влекут;
Здесь, смерть! – здесь ужас твой меж миртов хитро скрылся;
Увы! – любовный вздох во смертный претворился –
Во слезы пук цветов, – в кравую косу трость, –
На кости сохнет плоть, – иссунулася кость! –
Цветы и порошки зловонной стали гнилью,
Одежда вretiщем, а нежно тело пылью.

<1789>

Баллада

Могила Овидия, славного любимца муз

*Овидий! ты несправедливо желаешь включить бича своего
в лик небожителей; заточение твое научает нас, достоин ли он
всесожжений за свою великую неправоту? Без существенной вины
отщепив тебя от отечества, он еще старался прикрыть свою месть,
и небо допустило ему соделать тебя несчастным за ту единую
слабость, что ты безмерно ублажал его. Надлежит быть весьма
жестокосерду, чтоб у отечества отъять самый редкий ум, какой
только бывал когда-либо в Риме, и проч.*

Лингенд в элегии об Овидии

*Там, где Дунай изнеможенный
Свершает путь бурливый свой
И, страшной тяжестью согбенный
Сребристой урны волновой,
Вступает в черну бездну важно,
Сквозь бездну мчится вновь отважно.*

*Морские уступают волны,
И шумны устья пути,
Быв новым рвением силы полны,
Чтоб ток природный пронести,
Простерши полосы там неки,
Бегут к Стамбулу, будто реки.*

*Остановлюсь ли тамо ныне
Близ Темесварских страшных стен,
Где в окровавленной долине
Австриец лег, Луной сражен,
Где мыл он кровью в ужас света
Победные стопы Ахмета!*

*Ужели томна тень Назона
Ту музу совратит с гробов,
Что с воплем горестною стона
Спустя восемнадцать веков
Оплакать рок его дерзает,
Там, где он в персти исчезает?*

*Нет, – тень любезна, тень несчастна!
Не возмущу твоих костей;
Моя Камена тихогласна;
Пусть по тоске и мраке дней
Они с покоем сладким, чистым
Почиют под холмом дернистым!*

*Ужасны были Томски стены
Сии Назоновым очам!
Все тихо, взоры заблужденны
Среди пустынь окрестных там*

*Искали долго и прилежно
Того, кто пел любовь толь нежно.*

*Передо мной то вяз нагбенный,
То осокорь, то ильм густой
Вздыхались уединенны
И осеняли берег речной.
Тогда впадал я неприметно
В различные мысли опрометно.
"*

*Всесильный! – так тогда я мыслил, –
Какой в сем мире оборот?
Кто древле в воображеньи числил,
Чтоб спел когда ума здесь плод?
Здесь жили геты, здесь те даки,
Что члись за страшные призраки.*

*Рим гордый с Грецией не мыслил
В дни славы, мудрости, побед,
Чтоб те долины, кои числил
Жилищем варварства и бед,
Своих злодеев заточеньем,
Отозвались парнасским пеньем.*

*Не мыслил, чтобы мужи грозны
Ума хоть искру крыли здесь;
Чтоб пели здесь Эоны, поздны;
Чтоб чуждые потомки днесь
Назона в арфе прославляли
И слезны дни благословляли.*

*О горда древность! – ты ль забыла,
Какие чувства и права
Сама ты в дни Орфея чтила?
Поныне камни иль древа
В твоих бы жителях мы зрели,
Когда б их музы не согрели.*

*Ты ль в шумной пышности забыла,
Что в Ромуловы времена
Людей железных воздоила,
Что дики в чувствах племена
И грубых хищников станицы
От поздной взяли свет денницы.*

*Япетов сын¹ во мрачность века
Не из скудели ли сырой
Сложил чудесно человека?
Ифест не из руды ль земной?
Девкалион влагал жизнь в камень,
Орфей в дубравы духа пламень.*

¹ Прометей.

*Не славьтесь, Афины с Римом,
Что вам одним лучи даны,
Другие ж в мраке непрозрачном!
И здесь, – и здесь возрождены
Свои Орфеи, Амфионы,
Энеи, Нумы, Сципионы.*

*Все те сарматы, геты, даки,
Что члись за каменны главы,
Сквозь тьму времен, сквозь нощи мраки
Такой же блеск дают, как вы;
Такие ж ныне здесь Афины;
Такие ж восстают Квирины.*

*Почто вы хвалитесь в гордыне,
Коль ваши чада суть рабы,
Коль ваши странны внуки ныне
Лишь данники срацин – рабов судьбы?
Цари вселенной напыщенны
Во узах – ныне искаженны.*

*Как? – разве тем вы возгремели
И отличились много крат,
Что гениев губить умели?
Пророк афинский, – ты, Сократ!
Ты, Туллий! – ты, Назон! – проснитесь,
За рвенье музы поручитесь!»*

*Так я беседовал, унылый;
Тогда был вечер; и, спустись,
Роса легла на холм могилы;
Роса слезилась ложась;
Над холмом облако дебело
Во злате пурпурном висело.*

*Вдруг глыбы потряслись могильны
И ров зевнул со тьмой своей;
Крутится сгибами столп пыльный;
Внутри я слышу стук костей;
Кто в виде дыма там? – немею,
Я трепещу, – дышать не смею...*

*Тень восстает, – всё вокруг спокойно,
И каждая кость во мне дрожит;
Еще туманяся бесплодно,
Слеза в глазах ее висит,
Что в дол изгнания катилась,
В печальных дактилях струилась.*

*Из уст еще шумит вздох милый,
Что воздымал дотоле грудь;
Я слышу тот же глас унылый,
Что в песнях и поныне чуть;
Но слезы – лишь туман кручинный;*

А вздох и глас – лишь шум пустынный.

*Тут тень гласит, как звук вод некий
Иль шум тополовых листов:
«Чей глас, – чей глас, что в поздны веки
Стремится с бугских берегов,
Чтобы вздохнуть над сею перстью
И убажить плачевной честью?»*

Певец

Я, дух несчастный, дух любезный!
Я здесь, унылый твой сосед,
Пришел излить потоки слезны.
Ужли твой взор пренебрежет
Толико дань сию священну,
Чтоб персть твою почтить бесценну?

Назон

«Я несчастлив!» – ты мыслишь тщетно,
Где тот, что столько крови пил,
Пред кем мой взор лишь неприметно
Без умысленья преступил?
Увы! почто мой взор стремился?
О, если б он тогда ж закрылся!

Так; век ваш мудро обличает,
Что мстителя *Назон* сего
В число полубогов включает,
Кумиром милым чтя его,
И им же изгнан сам навеки;
Так, – правильны веков упреки!

Что ж сам обрел, потом он боле,
Прогнав меня до сих берегов?
Чистейшу ль совесть на престоле?
Благословенье ли веков?
В венце он так же заточился,
Как я в чужих песках укрылся.

Иулий, страшный бич вселенной,
Лишь пал; он, как преемник, вздул
Опять перун тот усыпленный,
Что дух ревнивый окунул
В струи бича племен кровавы,
Чтоб обновить иной род славы.

Крутится кровь мужей реками;

Вдали *патриции* дрожат;
Дух Рима дрогнет меж стенами;
По стогнам головы лежат;
А чрез сии стези кровавы
Достиг он трона страшной славы.

Тогда вселенная искала,
Чтоб он был вечно погребен,
И грозный час тот проклинала,
Когда на свет он был рожден;
Но лишь схватил он скиптр железный,
Иное возопил мир слезный.

И правда, – он переродился;
Тогда счастливый мир хотел,
Чтоб *Август* вечно утвердился,
Чтоб *Август* смерти не имел;
Из тигра агнец был в то время;
А сим – сдержал блестяще бремя.

Таков был *Цезарь*; что ж *Октавий*,
Который поглотил весь свет?
Его ест тот же червь и мравий,
Что и на мне теперь ползет;
Его лишь точит в *мавзолее*,
Меня под дерном, – что лютее?

Там спорник *Зевса* цепенеет;
Его перун между костей
Покрытый плесенью немеет
И не блеснет опять с зарей.
Не плачь, певец *Эонов* поздних!
Прешла времен сих буря грозных.

Престол *Октавия* ужасный
Ничто – повапленный лишь гроб,
Где вызывает *галл* опасный
Из странных *Брута* – род утроб.
Но смертный в силе блещет тщетно:
Ночь всех равняет неприметно.

Не плачь, певец *Эонов* поздних!
Среди небесных я долин
Не зрю ни властных взоров грозных,
Ни от любимцев ложных вин,
Ниже зависимости студной
От их улыбки обоюдной.

Не плачь! пусть воин соплеменный,

Пусть *росс Назонов* топчет прах,
Срацинской кровью омовенный
Но дух мой – юн на небесах...
Так призрак томный рек, – и скрылся,
Лишь лист тополовый забился.

Прости, дух милый, дух блаженный!
Росс чтит твой прах, твои стихи;
Твои все слезы награждения;
Ты будешь выше всех стихий.

Судьба! – ужли *песок в пустыне*
Меня засыплет так же ныне?

Между 1792 и 1800

К новостолетию XIX

Страшна отрасль дней небесных,
Вестник тайнств неизвестных,
Вечности крылатый сын,
Рок носяй миров висящих,
Радуйся! – Будь исполин
Меж веков быстропарящих!
Обнови нам ныне ты
Век *сивиллин* золотый!

Около 1800

Столетняя песнь, или Торжество осьмогонадесять века России

Глубока ночь! – а там – над бездной
Урания, душа сих сфер,
Среди машины многозвездной
Дает векам прямой размер;
Бегут веков колеса с шумом.

Я слышу – стон там проникает;
Пробил, пробил полночный час!
Бой стонет, – мраки расторгает,
Уже в последний стонет раз;
Не смерть ли мира – вздох времен?

Преходит век – и всё с веками;
Единый род племен падет
И пресмыкается с червями,
Как из червей другой встает;
И всё приемлет новый образ.

Пробил – завеса ниспадает;
Я вижу длинный зал сквозь тень;
Вдали – там свет лампад мелькает;
Висит под ними бледный день,
Подобно как в туманну осень.

Там ряд веков лежит особый;
На них планет влиянья нет;
Стоят в помосте тусклы гробы;
Не восстает там утра свет;
В зарнице слава лишь мелькает.

Случаи – следствия судьбины –
Летят, летят – и гибнут вдруг,
Как легки солнечны пылины,
Крутясь в воздухе вокруг,
Блестят, блестят – и нет их боле.

Там мир глубокий обитает;
Лишь некий старец при гробах
В своем челе сто лет являет,
И тусклый сумрак во очах.
Таков согбенный веком *Янус*.

«Не ты ль, латинов обладатель? –

Я в трепете ему вещал. –
Не ты ль, небес истолкователь,
Пути судьбины открывал
И мир чрез то народам строил?

Что за тобой, что пред тобою
Не ты ль в единой точке зришь?
Не ты ль владений над судьбою
И их рождением вкупе бдишь?
О старец! ты всего свидетель.

Повеждь, кто в севере толь славно
Начало века и конец
Величит и свершает равно?
Пой! пой столетия венец!
Он памятен, бесценен россам».

«Сын персти! – вдруг *тень* зашумела. –
Се там столетья страшна дверь.
Подобно грому заревела
На медных верях теперь!
Ты слышишь звуки их ужасны.

Отверзлась дверь, – всё ново в мире;
Се виден происшествий строй!
Но музу призовем мы к лире
И скажем: «Песни, дочь, воспой!
Векам о сем воскликни веке!»

Довольно надо мной летело
От миробытия веков;
Но ни едино не имело
Столетье толь благих духов,
Как исполинский век сей славы.

Пред ним шли звезды, как пророки;
Я то на небесах прочел;
Огнистый шар сквозь мрак глубокий
Из дальних долов тверди шел;
За ним хвост влекся против солнца.

Кто? – Кто не содрогался в страхе?
Кто не вопил: «Увы! падет
Вселенная теперь во прахе.
Сторичный пламень всё пожжет,
Пожжет висящи в тверди земли.

Взревут горящи океаны,
Кровавы реки потекут;

Плеснут на твердь валы багряны,
Столпы вселенной потрясут». —
Так все в комете зло сретали.

Но твердь иное предвещала;
Тогда Россия в мрачный век
В своей полнощи исчезала.
«Да будет *Петр!*» — бог свыше рек;
И бысть в России Солнце света.

Бысть *Петр*, — и юный век в зарнице
Из бездны вечности летит;
Звучит ось пылка в колеснице,
И гордый век *Петром* гремит;
Вселенна зрит — недоумеет.

Великий *Петр* изобразует
Творца и гения в себе;
Россию зиждя, торжествует.
О росс! — с его времен в тебе
Порфиносны дышат духи.

Так в области светил возжженных
Сокрыт был искони *Уран*, —
Хоть тьмы очей вооруженных
Пронзали бездны горних стран;
Но не нашли еще *Урана*.

Родился *Гершель*, — вдруг блистает
Мир новый посреди миров;
Он в царстве Солнца учреждает
Знакомство будущих веков
С *Ураном*, как с пришельцем неким.

Но можно ль с мерою желаний
Великого возвеличать?
Пусть не было б *Петру* ваяний,
Пусть летописи умолчат!
Пусть памятники все исчезнут!

Россия — есть его ваянье,
Есть памятник, трудов цена;
Она — его бессмертно зданье,
Полупланета есть она,
Где был он божеством ея.

Слыхали ли, чтобы в *Элладе*
И в *Риме* Зевс иль Цесарь мог
Скрыть скипетр к благу и отраде?

Но *Петр*, как некий новый бог,
Престол полмира оставляет.

Он покрывает тьмой священной
Величества сиянье с тем,
Чтоб, зрак раба прияв смиренный,
Познать науку быть царем
И из зверей людей соделать.

Держа светильник, простирает
Луч в мраках царства своего;
Он область ночи озаряет,
И не объемлет тьма его;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.